

Хасгэрэл

УСЛОВНОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Автором рассматривается условное деепричастие в монгольских языках, выражаемое суффиксами -b?su / -bes? ? -??su / -ges?, -b?la / -bele и -s?, имеющее в разных монгольских языках свои особенности как в плане выражения, так и в плане содержания. В частности, выявлены случаи его функционирования в качестве финитных форм повелительно-желательного наклонения. Выделяемый в российском монголоведении формант условного деепричастия -qula / -k?le относится автором к суффиксам последовательного деепричастия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 166-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

GRANT APPLICATION GENRE: FORMATION OF GENRE NORM

Fedyeva Natal'ya Dmitrievna, Doctor in Philology, Associate Professor
 Metsevich Irina Vasil'evna
 Omsk State Pedagogical University
 ndfed@yandex.ru; mezewitsch_irina@mail.ru

The article examines a grant application genre. The paper provides a brief description of a genre on the basis of T. V. Shmeleva's questionnaire and shows how the double communicative genre purpose determines the duality of author's image and the specificity of the essential in this case time factor. The researchers propose and justify the thesis that genre and stylistic originality of the mentioned genre is conditioned by the combination of the traditional features of scientific style and certain peculiar features. The paper substantiates the status of grant application genre norms as being recently formed and identifies the basic problems arising before the researcher trying to adopt genre norms.

Key words and phrases: style; genre; genre norm; stylistic norm; grant application.

УДК 811.512.3

Автором рассматривается условное деепричастие в монгольских языках, выражаемое суффиксами -basu / -besü ~ -yasu / -gesü, -bala / -bele и -sa, имеющее в разных монгольских языках свои особенности как в плане выражения, так и в плане содержания. В частности, выявлены случаи его функционирования в качестве финитных форм повелительно-желательного наклонения. Выделяемый в российском монголоведении формант условного деепричастия -qula / -küle относится автором к суффиксам последовательного деепричастия.

Ключевые слова и фразы: монгольские языки; условное деепричастие; суффикс; значение; повелительно-желательное наклонение.

Хасгэрэл

Университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, Китайская Народная Республика
 hashen9686@qq.com

УСЛОВНОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Формы условного деепричастия. В классическом монгольском языке известны три формы условного деепричастия: -basu / -besü ~ -yasu / -gesü, -bala / -bele и -sa. Первая форма представлена в дагурском языке в форме -a:s / -ə:s / -e:s / -o:s, -ya:s / -yə:s, в калмыцком языке – -vac / -вэс, в бурятском языке – -a:ha: / -ə:ha: / -ɔ:ha: / -o:ha:, имеющих общее происхождение. Бурятские формы -a:ha: / -ə:ha: / -ɔ:ha: / -o:ha: и дагурские формы -a:s / -ə:s / -e:s / -o:s развились из слога «гласный + b~γ + гласный» классического монгольского языка. Бурятский согласный *h* совпадает с согласным *s* в классическом монгольском языке. В российском бурятоведении принята точка зрения, согласно которой условные конструкции содержат глагольные основы с формантом причастия настоящего-прошедшего времени -aa / -ээ / -oo / -өө и послелог *haa* [4, с. 286]. Как показывает синтаксическое исследование Е. К. Скрибник и Н. Б. Даржаевой, эта форма является центральной среди пяти выделенных условных конструкций бурятского языка: она нейтральна по сферам употребления и допускает максимальное семантическое варьирование [7, с. 247]. Наряду с послелогом *haa* используется послелог *hadaa*, который, по мнению Е. В. Сундуевой, возник в результате слияния *haa* и утвердительной частицы *daa* после перехода *h < x*, имеющего место в западно-бурятских говорах, и редукции долгой гласной *aa* в первом слоге [8, с. 121].

Дагурские формы -ya:s / -yə:s представляют собой фонетические варианты форм -a:s / -ə:s / -e:s / -o:s. Если первые присоединяются к глагольным основам, оканчивающимся на долгий гласный или дифтонг, то последние – к основам с конечным кратким гласным или согласным. Например, *tal-a:s* 'если гнать', *ka:la:ya:s* 'если сказать'. Форма -basu / -besü в калмыцком языке «потеряла» конечный гласный и приняла форму -vac / -вэс. Таким образом, бур. -a:ha: / -ə:ha: / -ɔ:ha: / -o:ha:, дагур. -a:s / -ə:s / -e:s / -o:s, -ya:s / -yə:s и калм. -vac / -вэс имеют общее происхождение от п.-монг. -basu / -besü ~ -yasu / -gesü.

Вторая форма -bala / -bele встречается в современном монгольском разговорном языке в виде -ba:l / -bəl / -bəl / -bol и -wal / -wəl / -wəl / -wol, в бурятском языке – -bal / -бэл / -бол, в желто-уйгурском языке – -bar. Происхождение монгольской и бурятской форм от письменно-монгольской очевидно. Как предполагает А. Бобровников, она возникла «через наращение монг. *ele* к первой повествовательной форме» [3, с. 144]. Желто-уйгурская форма не имеет вариантов, обусловленных гармонией гласных. По нашему мнению, форма -bar возникла от п.-монг. -bal / -bel в результате чередования согласных *l* и *r*.

¹ Перевод с монгольского на русский язык выполнен д. филол. н., г.н.с. отдела языкознания ИМБТ СО РАН Е. В. Сундуевой.

Третья форма *-sa* представлена в монгольском языке в виде *-se (-sala)*, в желто-уйгурском языке – в виде *-sa / -se / -sə / -sø*, в монгорском языке – в виде *-sa, -samba*, в дунсянском языке – в виде *-sə*, в баоанском языке – в виде *-sa* или *-sə*. Все формы, кроме *-sala, -samba*, являются односложными и совпадают с формами условного деепричастия в некоторых тюркских языках. Например, в уйгурском языке *-sə / -se*, в казахском, тувинском языках – *-sa / -se*. В тюркских языках условная форма на *-ca / -cə* представляет собой «аффикс образования глагола от имени и имени действия с оттенком желания, хотения» [2, с. 54].

А. А. Бобровников пишет, что деепричастие условное имеет характеристическим окончанием слог *-su / -sü*, который присоединяется а) к повествовательной форме преимущественно в монгольском и калмыцком книжном языке (*irebesü* ‘если пришел’); б) к корню глагола (*yadasa* ‘если не мог’); в) в калмыцком языке иногда к первой описательной форме для произведения условного будущего (*yabunasa* ‘если будет ходить’). По предположению автора, наращение этого деепричастия имеет сродство с частицей исходного падежа, что делает вероятным производство условной формы через склонение [3, с. 143-144]. Т. Б. Цыренова считает, что монгольский суффикс *-*s* + гласный представлял собой аффикс образования глагола от имени (*emüdin* ‘брюки’ – *emüskü* ‘одевать’, *sonur* ‘чуткий’ – *sonusqu* ‘слышать’), затем этот суффикс образовал модальную, а именно – желательную форму глагола [11, с. 251].

Могольская форма *-sala* и монгорская *-samba* являются составными. Первая *-sala* образована от аффикса условного деепричастия *-sa* с помощью частицы *la*. Вторая *-samba* предположительно возникла от аффикса причастия прошедшего времени *-san* посредством основы омертвелога глагола *a- (na-)*: *-san + na- → sannā → samba ~ samma*.

Значения условного деепричастия. Семантика условного деепричастия в разных монгольских языках имеет свои особенности. В основном деепричастие выражает действие, которое, предшествуя по времени основному действию, оказывается условием совершения последнего. Например, монг. *Хүний хэргийг бүтээвэл өөрийн хэрэг бүтнэ.* / ‘Если сделаешь чужие дела, то и свои уладятся’; дагур. *fulə: tale:siŋ gərdə: xarbəi ələn.* / ‘Он сказал, что если дадут отпуск, то он поедет домой’; калм. *Келвэс өгч болх.* / ‘Если скажет, то можно дать’; бур. *Үүлэн хөөрээл, бороо болохо, үгэ хөөрээл, хэрүүл болохо.* / ‘Если поднимутся облака, то будет дождь, если пойдут (горячие) разговоры, то будет ссора’; ж.-уйг. *Ддо: gurβan хэнβar nege fa:βə eregn.* / ‘Если провести три ночи, придет лама’; монгор. *Gordn jausa saina.* / ‘Хорошо, если ехать быстро’; дунс. *Макашидэа гурэ баусэ бу ашэ.* / ‘Если завтра пойдет дождь, не выезжай’; баоань. *Вə һəр рəсə ндэан айдəнə* [5]. / ‘Если я рассержусь, он испугается’.

В монгольском, желто-уйгурском, монгорском языках условное деепричастие иногда выполняет функцию последовательного деепричастия, обозначающего такое действие, в момент завершения которого начинается другое действие. Оно передает значение предпосылки, причины совершения последующего действия. Например, монг. *Хэнийг үзвэл хэнийг хараана.* / ‘Кого увидит, того и ругает’; ж.-уйг. *Ken tunə eđese tere ke:nə qatgəga.* / ‘Кто его увидит, того он и заколет’; монгор. *тэ mudesa ja:ndə sčagani.* / ‘Ты, обо всем узнав, почему спрашиваешь?’; дунс. *Bi gaidaudə əšisə baijšanni tšudčiawəwo* [Там же]. / ‘Когда я пошел на рынок, там встретил Бай Юйшаня’.

Использование частиц *aa, daa* после глагола в форме условного деепричастия позволяет ему выступать в роли финитной формы, схожей по значению с желательной формой повелительно-желательного наклонения, передавая желание говорящего, чтобы какое-либо действие осуществилось: *Би энэ номыг авбал aa!* / ‘Вот бы мне купить такую книгу!’; *Бид тэр киног үзсэн болвол доо* [Там же]! / ‘Хорошо бы нам посмотреть тот фильм!’.

В монгорском языке также частицы придают условному деепричастию статус личной формы глагола с таким же значением: *-salai, -sa:, -so: (-sa + o:), -səŋ (-sa + əŋ)*. Например, *тэ рзsalai!* / ‘Вот бы ты пришел!’, *Bu baja:ndčesa!* / ‘Разбогатеть бы мне!’, *Те еидэə səŋ* [Там же]! / ‘Вот бы он приехал!’. Форма *-sataŋ* передает значение возможности совершения действия: *Те kun jausa taŋ.* / ‘Тот человек, возможно, уйдет’. Семантика условия совершения действия в монгорской форме *samba* может как присутствовать, так и отсутствовать: *Təŋger urosamba тэ li jau.* / ‘Если пойдет дождь, ты не уходи’; *Menə do bu mudesamba.* / ‘Я знал об этом’; *Те kun bačar jausamba* [Там же]. / ‘Тот человек ушел к Базару’.

В дунсянском языке условное деепричастие также может находиться в конце предложения и передавать значение форм повелительно-желательного наклонения, будучи не связанной с каким-либо определенным лицом. К примеру, в предложении *Tši əšičəkaŋ gaudasə.* / ‘Ты поскорее выздоравливай’ форма *-sa* приравнивается к повелительно-наставительной форме второго лица, выражая обращение с наставлением или повелением совершить какое-либо действие в будущем. В предложении *Bi waŋ šudči gala niə kiəli:ntšəsə.* / ‘Переговорю-ка я с Ван Шучжи’ форма условного деепричастия выступает в роли препозитивной формы первого лица, выражающей намерение говорящего безотлагательно совершить какое-нибудь действие.

Дунсянская форма условного деепричастия также может передавать значение разделительного союза *или... или*, при этом предыдущее действие оформляется суффиксом изъявительного наклонения *-mu*: *Dawu čidə əšimu Bačə əšisə.* / ‘На рынок пойдет или Да У, или Базар’, *In giəsə hə duralamu uliə duralasə* [Там же]. / ‘Тогда он или влюбится, или не влюбится’. В монографии Б. Х. Тодаевой подобных случаев функционирования условного деепричастия не отмечено [9, с. 50].

Следует отметить, что в классическом монгольском языке исследователями также выделяется формант условного деепричастия *-gul-a / -kül-e* [6, с. 83], имеющий следующие рефлексy: ойр. *-xla: / -xlə:*, калм. *-xla / -xlə*, монгор. *-gula*. Данный аффикс рассматривается нами как формант последовательного деепричастия,

вариантом которого является *-hular / -küler* [10, с. 498]. Он возник в результате присоединения аффикса совместного падежа *-luᠢᠭ᠎ᠠ / -lüge* к форманту причастия будущего времени *-qu / -kü*. В некоторых языках он может выполнять функцию условного деепричастия: ордос. *ʃi: jabxola bi: irxi:*. / 'Если ты уйдешь, я приду'; калм. *Мал харулхлэ меднд өгч болх* [5]. / 'Если пасти скот, то можно им отдать'. А. Бобровников пишет: «Условные формы в разговорном языке часто заменяются соединительным падежом будущего причастия» [3, с. 144]. Как выявлено Л. Б. Бадмаевой, в текстах бурятских летописей условные формы на *-qula / -küle* и *-bala / -bele* не представлены. Функционирующая форма *-basu / -besü* выражает условие, при котором совершается другое действие [1, с. 169, 170].

Также А. Бобровниковым в калмыцком языке отмечается условная форма, образуемая через наращение *на, нэ* или *ни* к неопределенному или будущему причастию: *ireküne, ireküni* 'если придет', *abquna, abquni* 'если возьмет' [3, с. 144]. Формант ойр. *-xna: / -xne:*, на наш взгляд, возник в результате чередования согласных *l / n* от суффикса *-qula / -küle* и также относится к последовательному деепричастию.

Таким образом, условное деепричастие, выражаемое суффиксами *-basu / -besü ~ -yasu / -gesü, -bala / -bele* и *-sa*, в разных монгольских языках имеет свои особенности как в плане выражения, так и в плане содержания. В оформлении частиц оно приобретает возможность выступать в роли личных форм повелительно-желательного наклонения.

Список сокращений

баоань. – баоаньский
 бур. – бурятский
 дагур. – дагурский
 дунс. – дунсянский
 ж.-уйг. – желто-уйгурский
 калм. – калмыцкий
 монг. – халха-монгольский
 монгор. – монгорский
 ойр. Синьцз. – язык ойратов Синьцзяна
 ордос. – ордосский
 п.-монг. – старописьменный монгольский

Список источников

1. Бадмаева Л. Б. Конвербиальные формы в языке бурятских летописей // Гуманитарный вектор. Серия «Филология. Востоковедение». 2016. Т. 11. № 3. С. 167-171.
2. Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении условной формы на *-ca / -ce* в тюркских языках // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его 75-летию: сб. ст. / ред. Н. И. Конрад. М., 1953. С. 35-62.
3. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Унив. тип., 1849. 403 с.
4. Грамматика бурятского языка. Фонетика. Морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.
5. Полевые материалы автора: материалы экспедиций в провинции Ганьсу, Цинхай, АР Внутренняя Монголия, Синьцзян КНР. 2010, 2014, 2016 гг. Запись на диктофон и расшифровка Хасгэрэл.
6. Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 91 с.
7. Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 315 с.
8. Сундуева Е. В. Особенности системы деепричастий в баргузинском говоре // Мир Центральной Азии: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. Т. VI. Ч. I. Языки. Фольклор. Литература. С. 120-123.
9. Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 152 с.
10. Хасгэрэл. Дагалдах утгыг илтгэх үйл үгийн хэлбэрийн тухай өгүүлэх нь / О формах последовательного деепричастия // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 488-500.
11. Цыренова Т. Б. Условные формы глагола в монгольских языках // Цыбиковские чтения-7: материалы науч. конф. Улан-Удэ, 1998. С. 250-254.

CONDITIONAL ADVERBIAL PARTICIPLE IN THE MONGOLIAN LANGUAGES

Khasgerel

Inner Mongolian University, Hohhot, The People's Republic of China
 hashen9686@qq.com

The article considers a conditional adverbial participle in the Mongolian languages, expressed by the suffixes *-basu / -besü ~ -yasu / -gesü, -bala / -bele* and *-sa*, having their own peculiarities both in terms of expression and content. In particular, cases of its functioning as finite forms of the imperative-optative mood are revealed. The author states that the formant of the conditional adverbial participle *-qula / -küle*, singled out in Russian Mongolian Studies, belongs to the suffixes of the sequential adverbial participle.

Key words and phrases: Mongolian languages; conditional adverbial participle; suffix; meaning; imperative-optative mood.